Евразийская адвокатура. 2021. № 5 (54). С. 62–68.
Eurasian advocacy. 2021;(5(54)):62–68.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры
Научная статья
УДК 343.10
https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_54_5_62

АДВОКАТУРА КАК САМОРЕГУЛИРУЕМЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ЗОЗУЛЯ Александр Александрович
адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149, Российская Федерация

Аннотация: Цель статьи – выявление специфики саморегулирования российской адвокатуры как института гражданского общества. Применены системный, историко-правовой, аксиологический и формально-юридический методы. Выявлен дискуссионный характер категории «саморегулирование», определены ключевые характеристики механизма саморегулирования, обоснован нетипичный характер правовой природы саморегулирования адвокатуры как института гражданского общества. Дана оценка российской адвокатуре как иерархически структурированной организации с дифференциацией субъектов и объектов регулирования. Сделан вывод о необходимости разработки концепции «композитной» адвокатуры, включающей публичный и частный субинституты. Новизна, оригинальность и ценность статьи обусловлены исследованием института адвокатуры через призму механизма саморегулирования в ракурсе коммуникативной теории права, актуальностью рассмотренных проблем и практической значимостью обоснованных выводов.

Ключевые слова: саморегулирование, гражданское общество, механизм правового регулирования, социальные регуляторы

Для цитирования: Зозуля А.А. Адвокатура как саморегулируемый институт гражданского общества: теоретико-правовой аспект // Евразийская адвокатура. 2021. № 5 (54). С. 62–68. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_54_5_62

Problems of organization and advocacy profession functioning
Original article

ADVOCACY AS A SELF-REGULATORY INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY: THE THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

ZOZULYA Alexander Alexandrovich
Advocate, PhD, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the State Fire Service of Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
196105, Saint-Petersburg, Moskovsky prospect, bld. 149, Russian Federation

Abstract: Purpose of the study is to identify of the specifics of self-regulation of the Russian advocacy as an institution of civil society. Systemic, historical-legal, axiological and formal-legal methods are applied. The debatable nature of the category «self-regulation», the key characteristics of the self-regulation mechanism are determined, the atypical nature of the legal nature of the self-regulation of the lawyer community as an institution of civil society is substantiated. The assessment of the Russian advocacy as a hierarchically structured organization with differentiation of subjects and objects of regulation is given. It is concluded that it is necessary to develop the concept of «composite» advocacy, including public and private subinstitutions. The novelty, originality and value of the article is due to the author's application of the approach to the study of the institute of advocacy through the prism of the mechanism of self-regulation in the perspective of the communicative theory of law, the relevance of the problems considered and the practical significance of the reasoned conclusions.

Keywords: self-regulation, civil society, mechanism of legal regulation, social regulators

For citation: Zozulya A.A. Advocacy as a self-regulatory institution of civil society: the theoretical and legal aspect = Eurasian advocacy. 2021;5(54):62–68. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_54_5_62

© Зозуля А.А., 2021

В актуальном научном и профессиональном юридическом дискурсе по системным, основополагающим вопросам современной отечественной адвокатуры привлекают к себе внимание проблемы места института адвокатуры в структуре гражданского общества, её роли в процессах укрепления позиций гражданского общества современной России. Естественным компонентом этой проблематики являются вопросы саморегулирования адвокатуры, поскольку сама сущность гражданского общества предполагает регулирование отношений нормами, неоктроированными государством.

На страницах научной периодики можно встретить широкую палитру мнений по обозначенным выше вопросам – от бесспорных до остро дискуссионных, если не сказать эпатажных. Так, не вызывает сомнений утверждение П.А. Стерхова о возрастающем значении адвокатуры в становлении правового государства и гражданского общества [1].

Достаточно спорной выглядит позиция С.Э. Либановой, которая обосновывает в рамках доктрины триединой адвокатуры вывод о её особом статусе как специфического института гражданского общества, призванного обеспечить профессионально-правовой общественный надзор за отправлением правосудия [2]. Резонансным выглядит утверждение А. Балданцэрэн о дискриминации адвокатов РФ со стороны самого адвокатского сообщества под прикрытием самоуправления адвокатуры как института гражданского общества, отделенного от государства [3]. Таким образом, налицо не только плюрализм, но даже полярность мнений, что, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости общетеоретической проработки вопросов саморегулирования адвокатуры.

Относительно саморегулирования как способа достижения упорядоченности общественных отношений необходимо заметить, что в отечественной юридической науке последних лет все более заметна оживленная дискуссия о конкуренции разнонаправленных, если не сказать взаимоисключающих, стратегий повышения эффективности правового регулирования – всеобщей беспробельной юридификации и, наоборот, расширения саморегулирования в сфере права. В контексте этой дискуссии нельзя не согласиться с доминирующим в научном сообществе мнением, что избыточность правового регулирования, к которому приводит экспансия юридификации, не отвечает потребностям развития общественных отношений сообразно вызовам меняющегося мира.

В научной литературе подчеркивается необходимость мобильности системы социального регулирования, с которой (с мобильностью) позитивное правовое регулирование в явной конфронтации. Здесь же и неизбежное отставание формально определенного права как коммуникативной системы от реальных социальных отношений. В связи с этим все больше говорят о саморегулировании как о подсистеме правового регулирования, и, более того, как об альтернативе ему, что применительно к настоящему исследованию вызывает необходимость раскрыть основные аспекты соотношения этих правовых феноменов с учетом факторов «новой нормальности» и, в первую очередь, тенденций глобализации.

Процессы глобализации, так или иначе затронувшие различные уровни правообразования, объективно требуют выдвижения на первый план ряда других (помимо государственной обязательности) сущностных характеристик права как регулятора общественных отношений и особенно его коммуникативного, социализирующего потенциала. Как подчеркивает, сопоставляя право государственное и индивидуальное (саморегулирование), Л.И. Глухарева, «монистический подход, в котором правопонимание выводит право в качестве монолитного и однородного феномена, не соответствует реальности, поскольку затушевывает факт множества форм права, имеющих разную сущность» [4]. По нашему мнению, в этом плане высокой эвристической перспективой обладает концепция социального права Ж. Гурвича, позволяющая представить общую функцию права как объективную интеграцию некой тотальности посредством устроения единства общения его членов [5]. С позиций такого подхода вполне оправданно рассматривать процессы саморегулирования не как новый феномен в правовой сфере, а как определенную интерпретацию проблемы пределов правового регулирования, разграничения права и иных социальных регуляторов.

Анализ современной научной литературы позволяет говорить об актуализации различных аспектов проблемы саморегулирования – как в теоретической, так и в практической плоскости, причем на повестке дня стоит и центральный вопрос: что есть саморегулирование как правовое явление? Некоторые авторы рассматривают саморегулирование как самостоятельный правовой институт, ограниченный сферой деятельности саморегулируемых организаций [6]. У других подход несколько шире – саморегулирование рассматривается как самостоятельная разновидность правового регулирования в предпринимательс-

ской деятельности, включающая не только СРО, но и договорное саморегулирование. Ю.А. Тихомиров применительно к проблеме соотношения права и саморегулирования говорит о новом типе норм – актах саморегулирования, к которым в общем виде относит акты институтов гражданского общества и акты делегированного нормотворчества (локальные нормативные акты) [8]. Ю.И. Мхитарян понимает саморегулирование как правовое средство, применение которого позволяет качественно изменять уровень регулирования общественных отношений [9]. Очевидно, что в этих и созвучных им трактовках саморегулирование, так или иначе, рассматривается в границах позитивного права.

На наш взгляд, подобные интерпретации не вполне соответствуют сущности саморегулирования, поскольку искусственно ограничивают его зависимостью от государственного права, в то время как это явление производно от другого «измерения» права, в котором существуют так называемые право гражданского общества, социальное право, индивидуальное право. Так, адвокатура, являясь профессиональным сообществом адвокатов и одновременно институтом гражданского общества, тем не менее, не относится к саморегулируемым организациям в том смысле, который нормативно закреплен Федеральным законом «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ, поскольку, в отличие от последних, находится вне сферы государственного надзора. Указанное подтверждается и официальной интерпретацией нормативного понятия саморегулирования. К примеру, в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 2776-р, отмечается, что существуют сферы профессиональной деятельности, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрено обязательное членство участников в специализированных негосударственных объединениях, однако такие объединения не имеют статуса саморегулируемых организаций (например, нотариат, адвокатура и т. д.) [10].

В связи с этим необходимо отметить наличие в юридической науке и принципиально иного подхода, основанного на многоаспектности саморегулирования как правового явления, который можно условно определить пониманием саморегулирования в широком смысле. Так, Е.С. Зайцева говорит о возможности рассмотрения саморегулирования как явления, существующего абсолютно автономно от правового регулирования. При этом она определяет саморегулирование как самостоятельную инициативную деятельность субъектов, осуществляемую как в сфере действия права, так и за её пределами [11].

Анализируя различные интерпретации сущности саморегулирования, мы исходим из того, что для целей права нет принципиальной разницы, какими регуляторами достигнуто соответствие фактического поведения субъектов требованиям правовых предписаний, поэтому саморегулирование в сфере интересов права не противоречит принципу упорядоченности общественных отношений. Указанное позволяет автору в целом разделять второй, широкий подход к пониманию саморегулирования, что дает возможность рассматривать это явление не столько как октроированное государственным правом, но в первую очередь как производное «второго измерения» права, что оптимально с позиции исследовательских задач. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о саморегулировании именно в сфере действия права, а, учитывая тесную взаимосвязь духовных компонентов права с моралью, религией и другими негосударственными регулятивными системами, здесь на первый план выступает проблема соотношения саморегулирования с иными социальными регуляторами, определения его места в системе социального регулирования.

Относительно обозначенной проблемы необходимо отметить, что правовая реальность настоящего времени свидетельствует об экспансии атеистических (по сути, а не по обрядности) воззрений или, как минимум, религиозного индифферентизма, а также разнообразных проявлений нигилизма. Эта тенденция привела к новому этапу взаимодействия права с иными социальными регуляторами, не связанными с традиционной религией и нравственностью. Причем речь идет не о замещении или вытеснении права конкурирующими регулятивными системами, а скорее о синергии права с ними. На наш взгляд, в этом ракурсе применительно к вопросам соотношения саморегулирования с правовым регулированием и иными социальными регуляторами уместно в качестве теоретической основы исследования принять коммуникативную сущность права. В рамках такого подхода нельзя не признать справедливым утверждение Ю. Хабермаса, отмечающего, что современное право выступает воплощением посттрадиционных структур сознания: система права – это жизненный порядок, подчиняющийся формам морально-практической рациональности [12]. Развивая далее эту мысль,

можно утверждать, что в настоящее время право как регулятивная система – это фактическая синергия собственно правовых норм с правилами поведения, которые рациональны как правила коммуникации в границах относительно замкнутых сообществ в силу их соответствия предписаниям морали, признанной соответствующим сообществом.

Применительно к позитивации саморегулирования необходимо заметить, что реалии настоящего времени – это конкурентное сосуществование формально организованных сообществ и сообществ неформальных, правила коммуникации и структура которых не определяются позитивным правом (к примеру, закрытые интернет-сообщества, молодежные сообщества музыкальной, спортивной, политической, духовной направленности). Институализация первых, то есть формально организованных социальных групп (разнообразные «посчитанные» государством обязательные и добровольные саморегулируемые организации), как правило, нормативно закреплена, поэтому их деятельность в той или иной степени регулируется исходящим от государства правом. Такие сообщества без каких-либо оговорок принято относить к институтам гражданского общества, их право на саморегулирование не оспаривается, при этом границы саморегулирования определяются государством.

Саморегулирование в таких сообществах осуществляется посредством локальных нормативных актов, а также обычаев, ритуалов, традиций, норм морали, которые присущи данному конкретному сообществу. При этом регулятивная подсистема формально определенных сообществ не входит в конфронтацию не только с предписаниями позитивного права, но и с другими общепризнанными социальными нормами, поскольку, как правило, она формируется длительный период времени, в течение которого и получает общественное признание. Именно для таких сообществ справедливо определить саморегулирование как делегированное нормотворчество. Для российской адвокатуры как института гражданского общества примером такого саморегулирования является Кодекс профессиональной этики адвокатов. Но соответствуют ли эти характеристики саморегулирования другому обозначенному выше типу сообществ – не организованных формально, не «посчитанных» государством?

На наш взгляд, для рассмотрения поставленного вопроса необходимо исходить из того, что система саморегулирования внутри определенного сообщества – это фактически действующая система как нормативных, так и ненормативных регуляторов, опосредующих реально существующие отношения участников сообщества, при этом механизм регулирования имеет свои специфические, отличные от правового механизма, признаки. В первую очередь относительно признаков можно отметить, что институализация неформальных сообществ основывается на делении людей на своих и чужих по факту признания / непризнания ценностей этого сообщества, поэтому особую роль в механизме саморегулирования играет ненормативный ценностный регулятор, обеспечивающий тождество приоритетных интересов участников сообщества. Далее, поведение членов саморегулируемых социальных сообществ связано с субъективным статусом личности как участника сообщества, поэтому главное, если не единственное средство обеспечения саморегулирования – автономия воли, добровольность следования предписаниям. Отсюда отсутствие явного разделения внутри сообщества на субъекты и объекты регулирования, что можно выделить в качестве еще одного признака механизма саморегулирования.

Учитывая наличие определенной специфики регулирования в приведенных выше двух относительно обособленных типах саморегулируемых организаций, необходимо ответить на вопрос: как формальные и неформальные саморегулируемые сообщества соотносятся между собой, в первую очередь, по критерию исторического приоритета? По нашему мнению, первичным в историческом контексте можно считать именно неформальное саморегулирование, которое явилось закономерным следствием появления корпоративной культуры, что ясно видно на примере средневековых гильдий (цехов). Как отмечает И.Г. Морозова, «…гильдии и цеха представляли собой организации добровольцев для взаимной защиты и осуществления своих прав… Типичная гильдия стремилась поддерживать высокие нравственные стандарты поведения, наказывая своих членов за богохульство, азартные игры, ростовщичество и др.» [13]. Однако затем, с усилением государственности, верховная власть берет на себя задачу устроения частных отношений членов общества [14], поэтому с появлением и усилением государственного регулирования в сферах интересов гильдий они сначала приобретают официальный, государственно-признанный статус, а затем и вовсе исчезают, возродившись сегодня в форме обязательных СРО и других официально признанных профессиональных сообществ. Таким образом, формализованные саморегулируемые

сообщества являются частным проявлением неформального саморегулирования, следовательно, по своей природе механизм официального саморегулирования должен соответствовать характеру механизма «чистого» саморегулирования.

В практическом плане изложенный выше вывод позволяет оценить, насколько механизм регулирования в формально организованных саморегулируемых сообществах соответствует самой сути саморегулирования как социального феномена. В том числе такой подход применим для анализа адвокатуры как саморегулируемого института гражданского общества, для чего необходимо как минимум выявить степень дифференциации адвокатского сообщества на субъекты и объекты регулирования.

В ракурсе рассмотрения обозначенной выше задачи напрашивается цитата нормы ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «Адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов». На первый взгляд, принцип равноправия исключает саму возможность деления внутри адвокатского сообщества на субъекты и объекты регулирования. Однако этот же закон предполагает создание адвокатских палат, и, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, наделение адвокатских палат (их органов) контрольными и управленческими полномочиями, в том числе полномочиями по принятию обязательных для адвокатов решений по отдельным вопросам адвокатской деятельности, согласуется с особым публично-правовым статусом профессионального сообщества адвокатов» [15]. Таким образом, институциональное деление сообщества равноправных адвокатов на субъекты управления и управляемых является очевидным.

Как показывает исторический опыт, само наличие формально дифференцированных субъекта и объекта регулирования предполагает потенциальную возможность обособления интересов лиц, осуществляющих управление и регулирование, от интересов управляемых. Пристрастное изучение под этим углом зрения норм саморегулирования адвокатского сообщества позволяет нам и здесь выявить примеры подобного рода. Так, весьма любопытными в указанном ракурсе представляются положения «Разъяснений по вопросу приостановления статуса адвоката», утвержденных решением Совета АП Кировской области от 22.10.2020 [16]. Названное Разъяснение устанавливает запрет адвокатам, чей статус приостановлен, вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также должности государственной службы и муниципальные должности. Аналогичный запрет был в свое время установлен решениями Советов Адвокатских палат и ряда других субъектов Российской Федерации.

По мнению автора, указанный запрет существенно жестче рамок ограничений, установленных законом для адвокатов, приостановивших свой статус. Так, в соответствии с п. 3.1 ст. 16 Закона об адвокатуре приостановление статуса адвоката влечет за собой запрет осуществлять адвокатскую деятельность, понятие которой раскрыто в ст. 1 названного закона. Из подпункта 1 п. 1 ст. 16 Закона об адвокатуре прямо следует право адвоката с приостановленным статусом занимать как выборные, так и назначаемые должности в органах государственной власти и местного самоуправления, что подтверждается в том числе и Разъяснением Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам (утверждено Решением Совета ФПА РФ от 29 апреля 2020 г.). Пункт 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов в аспекте рассматриваемого вопроса устанавливает запрет только на оказание юридической помощи вне рамок адвокатской деятельности. Системное толкование этих норм позволяет говорить о том, что, вопреки Разъяснениям Совета АП Кировской области, адвокат с приостановленным статусом не лишен права вступать в трудовые отношения в качестве работника (за исключением работы на юридических должностях).

Какова же цель установления Советом АП Кировской области запретов сверх нормативно-правового регулирования? Вполне можно предположить, что ограничения заниматься наиболее распространенными видами деятельности имели целью максимально затруднить возможность реализации адвокатами права на приостановление статуса по личным обстоятельствам (пп. 5 п. 1 ст. 16 Закона об адвокатуре), поскольку фактически минимизируют возможность зарабатывать средства к существованию в других, помимо юридической помощи, сферах экономики. Если указанное предположение верно, то в данном случае цель спорных норм саморегулирования противоречит цели принятия Федерального закона от 02.12.2019 № 400-ФЗ в части введения пп. 5 п. 1 ст. 16 Закона об адвокатуре, которая была указана в пояснительной записке к законопроекту, –

упростить процедуру приостановления статуса адвоката [17].

Обозначенная коллизия между нормой саморегулирования, установленной решением Совета АП Кировской области, и нормативно-правовым регулированием института статуса адвоката свидетельствует, на наш взгляд, о противоречии в данной конкретной ситуации интересов управляющего субъекта саморегулируемого сообщества (Совета АП Кировской области) интересам остальных участников сообщества, которые потенциально могут использовать право на приостановление статуса адвоката. Оправдано ли дополнительное ограничение, установленное нормами саморегулирования, публичной целесообразностью и общественным интересом? В рассматриваемом случае очевидно – нет, что еще раз подтверждает структурирование адвокатского сообщества на субъекты и объекты управления с дифференцированными интересами.

Изложенное заставляет поставить под сомнение соответствие механизма саморегулирования адвокатуры самой сущности саморегулирования как правового феномена, поскольку, как было отмечено выше, одним из ключевых признаков механизма «чистого» саморегулирования является отсутствие противоречия интересов субъектов и объектов регулирования. Что же тогда такое адвокатское сообщество, если не саморегулируемая организация?

Представляется, что ответ на этот вопрос необходимо искать, изучая проблему в другом ракурсе, отказавшись от абсолютизации категории «регулирование». Перспективной в этой связи, на наш взгляд, является теория управления юридической профессией, которая все активнее обсуждается в зарубежной научной периодике [18]. Оценка парадигмы управления как ключевого фактора институализации саморегулируемой организации позволяет автору рассматривать адвокатское сообщество в качестве иерархической структуры со специфической системой нормативных и ненормативных регуляторов, содержание которых обусловлено не только исторически сложившимися обычаями и корпоративной моралью, не только публичной целесообразностью и общественным интересом, но и усмотрением субъектов регулирования.

Данный вывод актуализирует вопросы фактической дифференциации института адвокатуры на публично-правовую и частноправовую сферы, которые в настоящее время совпадают по субъектам, но могут в определенной степени различаться по содержанию корпоративных интересов. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в существующих реалиях говорить о возможности «мирного сосуществования» членов адвокатского сообщества с различными, нередко конкурирующими публичными и частными интересами в рамках единой адвокатуры – значить уходить от проблемы. Для решения этой проблемы необходима разработка научно обоснованной концепции создания «композитной» адвокатской корпорации, включающей в себя институты публичной адвокатуры, обеспечивающей реализацию общезначимых функций в сфере правовой помощи, и частной адвокатуры – подлинно саморегулируемого элемента гражданского общества.

Список источников

1. Стерхов П.А. К вопросу о функционировании адвокатуры как института гражданского общества и ее участии в построении правового государства // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 3(29). С. 130–133.

2. Либанова С.Э. Российская адвокатура в XXI веке и ее триединство // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 12. С. 86–93.

3. Балданцэрэн А. Дискриминация адвокатов (на примере решений органов адвокатского самоуправления, принятых помимо воли адвокатов) // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 33–40.

4. Глухарева Л.И. О правопонимании в измерении форм права (на примере сравнения индивидуального и государственного права) // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. 2016. С. 72–82.

5. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / пер.: В.Д. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2004.

6. Кинжалина А.Б. Принципы саморегулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 4. С. 43–49.

7. Рубцова Н.В. Правовое регулирование и саморегулирование предпринимательской деятельности: вопросы соотношения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 120–124.

8. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 86–96.

9. Мхитарян Ю.И. Саморегулируемые организации и развитие гражданского общества // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6. С. 100–106.

10. Об утверждении Концепции совершенствования механизмов саморегулирования: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 года № 2776-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 11 января. № 2. Ст. 458.

11. Зайцева Е.С. Саморегулирование как альтернатива правовому регулированию // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 60–64.

12. Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. № 3. С. 137–138.

13. Морозова И.Г. Некоторые вопросы исторического развития саморегулируемых организаций // Законодательство и экономика. 2012. № 11. С. 76–79.

14. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: Введение. Торговые деятели. Т. 1. М.: Статут, 2003.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 34-О // Российская газета. 2020. 10 февраля. № 27 (8081).

16. Вопросы приостановления статуса адвоката [Электронный ресурс]. URL: https://apro.fparf.ru/news/all_news/detail/76738.

17. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/469485-7.

18. Vilchyk T., Sokolova A., Demchyna T. Regulation of advocacy profession: global trends // Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39. No. 69. P. 689–706 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.46398/cuestpol.3969.43.

References

1. Sterxov P.A. K voprosu o funkcionirovanii advokatury` kak instituta grazhdanskogo obshhestva i ee uchastii v postroenii pravovogo gosudarstva // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2017. № 3(29). S. 130–133.

2. Libanova S.E`. Rossijskaya advokatura v XXI veke i ee triedinstvo // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2017. № 12. S. 86–93.

3. Baldancze`re`n A. Diskriminaciya advokatov (na primere reshenij organov advokatskogo samoupravleniya, prinyaty`x pomimo voli advokatov) // Evrazijskaya advokatura. 2021. № 3 (52). S. 33–40.

4. Gluxareva L.I. O pravoponimanii v izmerenii form prava (na primere sravneniya individual`nogo i gosudarstvennogo prava) // Tipy` pravoponimaniya i vy`zovy` menyayushhegosya mira: sbornik statej po rezul`tatam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2016. S. 72–82.

5. Gurvich G.D. Filosofiya i sociologiya prava: izbr. soch. / per.: V.D. Antonova, L.V. Voroninoj. SPb.: Izdatel`skij Dom S.-Peterburgskogo gos. un-ta, 2004.

6. Kinzhalina A.B. Principy` samoregulirovaniya // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». 2019. T. 19. № 4. S. 43–49.

7. Rubczova N.V. Pravovoe regulirovanie i samoregulirovanie predprinimatel`skoj deyatel`nosti: voprosy` sootnosheniya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2017. № 1 (50). S. 120–124.

8. Tixomirov Yu.A. Pravo i samoregulirovanie // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 9. S. 86–96.

9. Mxitaryan Yu.I. Samoreguliruemy`e organizacii i razvitie grazhdanskogo obshhestva // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 6. S. 100–106.

10. Ob utverzhdenii Koncepcii sovershenstvovaniya mexanizmov samoregulirovaniya: Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 30 dekabrya 2015 goda № 2776-r // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2016. 11 yanvarya. № 2. St. 458.

11. Zajceva E.S. Samoregulirovanie kak al`ternativa pravovomu regulirovaniyu // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 4 (75). S. 60–64.

12. Xabermas Yu. Racionalizaciya prava i diagnoz sovremennosti // Sociologicheskoe obozrenie. 2011. № 3. S. 137–138.

13. Morozova I.G. Nekotory`e voprosy` istoricheskogo razvitiya samoreguliruemy`x organizacij // Zakonodatel`stvo i e`konomika. 2012. № 11. S. 76–79.

14. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava: Vvedenie. Torgovy`e deyateli. T. 1. M.: Statut, 2003.

15. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30 yanvarya 2020 g. № 34-O // Rossijskaya gazeta. 2020. 10 fevralya. № 27 (8081).

16. Voprosy` priostanovleniya statusa advokata [E`lektronny`j resurs]. URL: https://apro.fparf.ru/news/all_news/detail/76738.

17. Poyasnitel`naya zapiska k proektu federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/469485-7.

18. Vilchyk T., Sokolova A., Demchyna T. Regulation of advocacy profession: global trends // Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39. No. 69. P. 689–706 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://doi.org/10.46398/cuestpol.3969.43.

Статья поступила в редакцию 07.11.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 10.11.2021.

The article was submitted 07.11.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 10.11.2021.